

von selkupischen Originaltexten vorgestellt, alle anderen sind im Prinzip Übersetzungen aus dem Russischen, die vom Autor selbst, der die selkupische Sprache nicht vollkommen beherrschte, ausgeführt worden sind. E. Helimski zeigt, daß aufgrund des zuletzt genannten Tatbestandes die Syntax ganz und gar dem Russischen entspricht und auch andere grammatische Fehler vorkommen. Die selkupische Sprache ist mit Hilfe des damaligen russischen Alphabets niedergeschrieben und mit dem Zeichen des Haupttones des Wortes versehen worden. Dialektologisch bestimmt E. Helimski die von N. Grigorovskij benutzte selkupische Sprachform als Mundart der unteren Čaja, wobei ein geringes Auftreten von Elementen aus anderen Dialektgebieten nicht ausgeschlossen wurde.

Der Einleitung (S. 5—17) folgt ein grammatischer Überblick zur postulierten Mundart der unteren Čaja (S. 18—52) und diesem schließt sich der Hauptteil — das Wörterverzeichnis (S. 53—251) an. Das Wörterverzeichnis umfaßt 1727 Wortartikel,

die so aufgebaut sind, daß zuerst die Wortform von N. Grigorovskij in Originaltranskription gegeben ist. Dieser sind nötigenfalls Hinweise auf grammatische Formen, Quellen und eventuell die Phonologisation, eine Übersetzung ins Russische oder Englische, notwendige Kommentare und schließlich eine Entsprechung im Taz-Dialekt (vereinzelt in anderen Dialekten) hinzugefügt worden. Das Wörterverzeichnis wurde auch mit einem Index der englischsprachigen Bedeutungen versehen.

Im aus drei Teilen bestehenden Anhang kann sich der Leser mit den Lebensdaten von N. Grigorovskij, mit Auszügen aus seinen Handschriften sowie mit einer genauen und umfassenden Bibliographie (S. 252—268) bekannt machen.

Die Samojedologen sind dankbar für die Publizierung dieser systematisierten und kommentierten Quelle seltenen Sprachmaterials, bei deren Zusammenstellung der Autor wiederum die ihm eigene Exaktheit und Vielseitigkeit gezeigt hat.

AGO KUNNAP (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.3.16>

К. Я. Кросс, Инструктив в прибалтийско-финских языках.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1983.

20 февраля 1984 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации К. Кросс по теме «Инструктив в прибалтийско-финских языках». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук И. Санг (Таллин).

Развитие и функции отдельных падежей прибалтийско-финских языков на уровне монографии до сих пор исследованы сравнительно мало. Наибольшее внимание уделялось падежам объекта (номинатив, генитив, партитив), которые с точки зрения синтаксиса рассмотрены В. Грюнталем (W. Grünthal, Itämerensuomalaisten kielten yksikön nominatiivi objektin edustajana aktiivin yhteydessä, Helsinki 1941) и К. Контем (K. Kont, Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes, Tallinn 1963). Из других падежей

больше внимания обращалось только на эксцессив — ему посвящено исследование Т. Сярккя (T. Särkkä, Itämerensuomalaisten kielten eksessiivi, Helsinki 1969). Теперь список этих работ пополнился исследованием К. Кросс «Инструктив в прибалтийско-финских языках». (207 машинописных страниц).

Если эксцессив вместе с лативом и пролативом можно считать непродуктивными падежами (сфера их употребления ограничивается частицами), то амбивалентно употребляемый инструктив относится к пограничной области падежа и наречия. Это обстоятельство вынудило автора во введении остановиться на категориальной сущности инструктива, чтобы показать отличие его по статусу от других падежей. Основная же цель работы — определить на фоне примеров возможные функции инструктива во всех прибалтийско-финских языках и представить морфолого-синтаксические модели реализации отдельных функций, учитывая при

этом место инструктива в историческом развитии системы падежей.

Поскольку не опубликовано ни одного обобщающего исследования, посвященного синтаксическим особенностям и функциям инструктива в прибалтийско-финских языках, тему работы К. Кросс следует считать во всех отношениях актуальной. Критическое рассмотрение положений предшествующих авторов, а также проведенное по всей работе противопоставление языка народной песни диалектному языку позволяют по-новому осветить и частные проблемы. Построение работы (введение, две главы, заключение, таблицы в приложении и т. д.) целесообразно и логично. Сделанные на основе анализа выводы в основном верны. Однако в работе встречаются и отдельные недочеты, имеет место некоторая поверхностность, избежать ее помогла бы еще более исчерпывающая проработка диалектных текстов и прочего материала.

Что касается языка народной песни, рецензент не имеет претензий, ибо отмеченные в списке литературы произведения достаточны. Однако в отношении диалектов и даже литературных языков автор не использовала ряд источников. Особенно бедно представлены материалы по ливскому языку, не учтены здесь словарь Шёгрена—Видеманна, опубликованные Л. Кеттуненом и Ю. Мгисте ливские тексты, нет ни одного источника по литературному языку, равно как и ни одного исследования Э. Вяэри. Рецензент обнаружил в работе К. Кросс всего 36 разных форм ливского инструктива, а в статье Э. Вяэри о ливских наречиях с исконными суффиксами (E. Vääri, *Frekventatiivse ning retsiprookse l-liitega verbid ja algpäraste liidete ga adverbid liivi keeles.* — *Töid eesti filoloogia ala*, IV, Tallinn 1974, с. 57 и след.) приведены примеры форм инструктива от 57 слов. Но и это число не окончательно, так как в исследовании Л. Пости (L. Posti, *Grundzüge der livischen Lautgeschichte*, Helsinki 1942) можно найти еще четыре формы, в том числе интересный тип контаминации *pa* + инструктив, например, *pa küolmiñ* 'втроем', *pa seisin* 'всемером' (с. 281), о котором в таком виде в рецензируемой работе не говорится. В отношении других прибалтийско-финских языков положение не столь драматично, но

и здесь возникает вопрос, оправдано ли такое сильное ограничение сборников текстов, какое наблюдается в работе.

И еще один принципиальный вопрос. Поскольку морфология в своей многоликости тесно связана с проблемами исторической фонетики, прежде чем излагать собственное мнение, следовало бы ознакомиться с положениями работ по исторической фонетике и использовать их. Автор интерпретирует формы лудиковского диалекта *kuuvei* 'вшестером' и др. (с. 46) как контаминированные, возникшие якобы из-за параллельного использования единственного и множественного числа. Однако совершенно не учтены звуковое изменение *-h > -i* и то обстоятельство, что тип *sadai rubtai* букв. 'сотней рублей' представляет собой не инструктивные, а первоначально иллативные конструкции, которые из-за совпадения функций с инструктивом дали конструкции по аналогии (см. напр., L. Kettunen, *Suomen lähisukkielten luonteenomaiset piirret*, Helsinki 1960, с. 24). Корректный анализ форм *kuuvei* и др. предполагает принятие во внимание или опровержение положений в работах А. Турунена и Э. А. Тункело и лишь затем новое, свое объяснение. В данном случае последнее не представляется верным.

Однако в защиту автора необходимо тут же добавить, что в главе «Морфология инструктива прибалтийско-финских языков» основные проблемы, т. е. происхождение и встречаемость формантов *n* и *j* в прибалтийско-финских языках, трактуются в основном верно. Так, на с. 35 правильно подчеркивается, что в водском языке *n* вокализировался; небольшая неточность допущена лишь в написании формы *kahhē mehhē* (вместо правильного *kahhē mehhē*). Долгий *i* в карельских формах *lapsin*, *äjin* (с. 49), несомненно, позднего происхождения, но хотелось бы получить и объяснения того, как он мог возникнуть. Не из-за такого же ли совпадения с генитивом, как и в случае единственного числа? Непонятно, почему автор, ссылаясь на М. Рапола (1966: 468), в финских словах с основой на *i* считает *ei* (а также *ei > e*) возникшим по аналогии. Утверждение М. Рапола «*analogisesti myös nimē 'nimiä', kivē 'kiviä', hauve 'haukia' yms.*» отно-

сится ведь к основам не на *i*, а на *e*. В интересах большей понятности следовало бы дать переводы таких форм, как вепс. *pijõih* (с. 53) и др. Неточно написание взято из словаря Видеманна слова (*targu tarwi* (вместо правильного *tarwi*) (с. 56).

Довольно часто встречающиеся реконструкции в основном верны, хотя нельзя согласиться с формами **ratsahain* и **kallihin + in* (с. 55). Слова **ratsas* и *kallis* первоначально имели основу на *e*, что вообще следовало бы учесть в реконструкциях столь давнего времени. Тут же возникает вопрос, почему бы не оперировать привычными формами **ratsahin*, **kallihin* и др., характеризующими заключительную стадию общеприбалтийско-финского праязыка. В случае вод. *kirē*, *tširē* автор верно утверждает, что они представляют словоизменение без *j* (с. 56). Но неточно мнение, что лишь потеря конечного *n* привела к удлинению гласного. В этих словах долгий *e* появился уже в связи с исчезновением *h*, изменение это в водском языке произошло раньше, чем вокализация *n* в конце слова; таким образом, **kirehen > kirēn*, *tširēn > kirē*, *tširē*. Автор приводит удачные примеры на нейтральность инструктива по отношению к числу (напр., эст. *rinna ~ rinnu*), но мар. *кок киде* 'двумя руками' и *кидде-йолде* 'без рук, без ног' на с. 62 в сущности ничего не доказывают, ибо здесь мы имеем дело с древним абсолютным числом, которое во всех отношениях ожидается как выражающее оба парных члена, и к тому же в сочетании с числительным. Если же нужно подчеркнуть, что речь идет об одной руке или ноге, то следует добавить слово, обозначающее понятие 'половина'.

Во второй главе «Функции инструктива в прибалтийско-финских языках» автор рассматривает три вопроса: 1) диапазон лексического выбора (лексической открытость/закрытость), 2) возможность употребления (согласованного) атрибута (синтаксическая свобода/связанность), 3) соответствие/несоответствие морфологической оппозиции форм на *i* и без *i* семантической оппозиции единственного и множественного числа.

По своей функции инструктив в прибалтийско-финских языках может быть инструментальным, модальным, комита-

тивным, социативным, дистрибутивным, темпоральным, локативным или адноминальным. Обширный материал, который был в распоряжении автора, классифицирован верно, для каждой функции выделены и все возможные употребительные модели. Используемые в моделях символы наглядны. Сопоставление форм народных песен и диалектных форм показывает широту и динамику употребления инструктива.

Анализ в этой части работы особых претензий не вызывает. Желательна все же была бы морфологическая интерпретация некоторых форм, так как ее не было и в предшествующих разделах. В качестве примера ситуативного инструктива водского языка представлены как *pallā jalkō*, так и *kuivi jalgoi* (с. 90). Поскольку второй компонент дифтонга в безударном слоге в общем был утрачен, ожидаема лишь форма слабой ступени *jalgō*, а форма сильной ступени *jalkō*, равно как и дифтонгическая форма *jalgoi*, нуждаются в дополнительном комментарии (первая форма связана с сильной ступенью множественного числа на *i*, вторая явно контаминированная). Для социативного инструктива ливского языка (с. 121, 164) нет типа **keskin ~ *kesken* (постпозиционального происхождения), например, *kūškiñ*, которая имеет прямые соответствия в других прибалтийско-финских языках (ср. эст. *kuuekesi* и др.).

Общие морфолого-синтаксические выводы работы подкреплены двумя таблицами. Во вторую таблицу все же не вошли общемодальные модели образования наречий. Обобщающая же модель $/(A \sim N \sim P)S/\pm$, видимо, и в других местах для каждого частного случая не подходит, так как конкретные примеры содержат лишь часть компонентов общей модели. Таково, например, положение в группе примеров темпорального инструктива карельского языка (с. 146) *koltannan kerran* и т. д., где вообще нет *A* (прилагательного) и *P* (местоимения). В таблице не отведено отдельного места для инструктива сильной ступени множественного числа на *i*. Но его вторичный дифтонг — это нечто совсем иное, чем исконный дифтонг. В конце исследования мог бы быть индекс форм инструк-

тива вместе с дифференцированными моделями.

Из перечисленных недостатков самым серьезным рецензент считает неравномерную репрезентативность примеров (особенно в части ливского языка). Основные типы функций во всех языках выявляются все же с удовлетворительной степенью исчерпываемости. Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы как в академической учебной работе, так и при дальнейшем исследовании финно-угорских языков.

В заключение можно сказать, что в работе К. Кросс как с синхронической, так и с диахронической точки зрения дается наглядное представление о морфолого-семантических и функциональных особенностях индекса прибалтийско-финских языков. Основные результаты исследования достоверны. Следует отметить умение автора углубляться в сложные проблемы морфологии и исторической фонетики всех прибалтийско-финских языков.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Х. В. Пийр, Акустическая фонетика эстонских дифтонгов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1983.

20 февраля 1984 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Х. Пийр «Акустическая фонетика эстонских дифтонгов» (научный руководитель — доктор филологических наук профессор П. Аристэ). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук В. Палль и кандидат филологических наук К. Венде.

Исследование состоит из введения, семи глав и заключения. Оно имеет несколько самостоятельных тематических планов, при более обстоятельной разработке которых можно было бы выполнить несколько отдельных законченных исследований. С одной стороны, единое целое составляют главы об акустике эстонских дифтонгов, и с другой, главы о распознавании и автоматической классификации дифтонгов. Именно благодаря лаконичному и сжато изложению автору удалось этот обширный материал весьма удачно втиснуть в рамки одной работы.

Эстонский язык с его 36 дифтонгами относится к наиболее богатым дифтонгами языкам. Учитывая это обстоятельство, нужно признать: исследование Х. Пийр представляет собой необходимую подготовительную работу для раздела фонетики составляемой в настоящее время научной грамматики эстонского литературного языка.

Ниже будут рассмотрены те результаты исследования, которые представляют лингвистический интерес. Много дискуссий было по вопросу: считать дифтонг отдельной фонемой или же последовательностью двух гласных фонем. В последнее время в фонологии эстонского языка дифтонги трактуются как сочетания фонем. Основание для такой трактовки дают большое количество дифтонгов и их нерегулярное выступление по разным степеням долготы. Весьма существен и тот факт, что часть эстонских дифтонгов объяснима морфофонологическими процессами. Х. Пийр вводит некоторые критерии, заслуживающие внимания при определении моно- или бифонемности дифтонга. Во-первых, существенными следует признать результаты сопоставления спектров компонентов дифтонгов со спектрами соответствующих монофтонгов, т. е. можно ли по спектру компонента дифтонга определить гласные, из которых он состоит, или вообще сегментировать ли дифтонг на компоненты. Если ответ положителен, то налицо бифонемность. По результатам работы Х. Пийр, так оно в общем случае и есть, особенно в отношении сегментируемости на компоненты. Менее определенно действует фонетический критерий, если исходить из сопоставления качества компонентов дифтонга с качеством соответствующих монофтонгов. Ведь именно из-за сильной коартикуляторной зависимости второго